

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкой въ С.-Петербургъ и съ
перес. въ Россіи, два раза въ день:

— УТРОМЪ и ВЕЧЕРОМЪ —

на годъ . . 10 руб. — коп.

» 6 мѣс. . 5 » — »

» 3 » . 2 » 50 »

» 1 » . — » 85 »

ОБЪЯВЛЕНІЯ

РУССКІЯ:

За мѣсто, занимаемое строкомъ
нонпарейль:

впередъ текста 60 к., позади текста 20 к.
за цифровой и табличный наборъ 30 к.

ЗАГРАНИЧНЫЯ: за отрокъ нонпарейль
впередъ текста . . . 1.80 герм. марк.
позади текста . . . 0.60 " "

Перемена адреса 15 коп.

ТЕЛЕФОНЫ:

Редакции—№ 5698.

Редактора-Издателя—№ 1848.

Главной Конторы и Типографіи—№ 662

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ ДЕНЬ,

УТРОМЪ и ВЕЧЕРОМЪ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ:

СПБ., Мѣщанская улица, особ. домъ, № 25.

Отдѣленія Конторы для городскихъ подписчиковъ: 1) Невскій пр., д. № 66
(у Антик. моста), при книжн. магазинѣ М. В. Попова; 2) Васильевскій Остр., 3 дѣл.
д. № 6, при книжн. магаз. Н. Д. Тяпнина; 3) Выборгская стор., Нижегородская ул.,
д. № 15, при книжн. маг. „Практическая Медицина“; 4) Петерб. стор., Большой пр.,
д. № 6, при „Петербургскомъ Учебномъ Магази́нѣ“.

Статьи, рисунки и фотографіи, доставленные для помѣщенія въ газетѣ безъ
опредѣленія условій, оплачиваются по усмотрѣнію Редакціи. Рукописи должны
быть непременно за подписью и съ адресомъ автора, безъ чего печатаемы не
будутъ. Обратное возвращеніе рукописей для Редакціи не обязательно.

ОТДѢЛЬНЫЕ НУМЕРА 3 КОП.

№ 8904. Суббота, 2-го (15-го) іюля 1905 г.

— УТРЕННИЙ ВЫПУСКЪ. —

XXV г. изданія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

На лонѣ природы съ А. П. Чеховымъ.

Дѣтство и юность писателя—это начало его творческихъ работъ, его первый рассказъ, его первая вышедшая въ свѣтъ книга...

Приблизительно въ это время я познакомился съ А. П. Чеховымъ, въ его бытность въ Петербургѣ зимою, и получилъ отъ него приглашеніе пріѣхать къ нему на югъ, въ Харьковскую губернію, гдѣ онъ долженъ былъ провести второе лѣто.

Въ іюлѣ 1888 года я пріѣхалъ въ г. Сумы и оттуда потомъ направился къ усадьбѣ г.г. Линтваревыхъ, гдѣ А. П. занималъ флигель. Оповѣщенный враніе, А. П. встрѣтилъ меня съ обычнымъ своимъ радушіемъ на дворѣ усадьбы. Онъ былъ, насколько помнится, въ легкомъ чечучовомъ платьѣ и производилъ впечатлѣніе совершенно здороваго человѣка; страшный недугъ только подкрадывался къ нему и не успѣлъ еще нѣмъ овладѣть.

Подлѣ А. П. вертѣлись неизвѣстные въ каждой усадьбѣ дворовыя собаки, лохматые, неприглядныя, но, какъ извѣстно, очень преданныя и умныя. Помню, какъ одну, совсемъ некрасивую, А. П., шутя, со своей обычной улыбкой, собиравшей у краевъ глазъ извѣстныя слезы, кто хорошо зналъ Чехова, лучистыя морщинки, называлъ именемъ одного извѣстнаго въ то время театральнаго антрепренера.

— А у насъ гостилъ Плещеевъ! Вчера только проводилъ!—сообщилъ мнѣ А. П.—Жалко, немного не застали.

Дѣйствительно, было жалко. Добрый радге, какъ звалъ Плещеева одинъ писатель, такъ былъ любимъ всѣми, кого судьба сталкивала съ нимъ, что я былъ серьезно огорченъ своей неудачей.

А. П. повелъ меня въ свой флигель, гдѣ жила вся семья: отецъ—Павелъ Егоровичъ, матушка—Евгенія Яковлевна, сестра—Марья Павловна, тогда уже, сколько помнится, начавшая заниматься живописью, братья: Николай, художникъ, вскорѣ умершій, Иванъ, учительствовавшій въ Москвѣ, и жизнерадостный, самый младшій, студентъ Михаилъ.

Не помню хорошенько, но кажется, что мы тутъ же усѣлись не то обѣдать, не то ужинать. Вообще, этому неизбежному и необходимому жизненному акту въ усадьбѣ посвящалось много времени. Всей трудящейся семьѣ нуженъ былъ отдыхъ послѣ рабочей знымы, проведенной въ Москвѣ, нужно было усиленное питаніе...

Вся семья жила замѣчательно дружно. За чаемъ, обѣдомъ, ужиномъ всѣ сходились, читали вслухъ газеты, обмѣнивались новостями и впечатлѣніями. Но и тогда уже было замѣтно, что къ А. П. относятся съ особеннымъ уваженіемъ и считаютъ авторитетомъ. Оно и понятно: онъ былъ не только старшимъ въ родѣ, но кормильцемъ и поилцемъ семьи.

Павелъ Егоровичъ, отецъ, держался, какъ мнѣ казалось, отъ семьи въ сторонѣ и производилъ, —на меня, по крайней мѣрѣ,—нѣсколько устрашающее впечатлѣніе.

Я пріѣхалъ, должно быть, въ полдень и къ вечеру чувствовалъ себя въ этой милой семьѣ совершенно своимъ человѣкомъ,—такова была неотразимая сила радушія и благожелательства, которыми были преисполнены всѣ Чеховы, а въ особенности милая, простодушная и простосердечная Евгенія Яковлевна. На другой же день былъ установленъ, —вѣрнѣе продолжался установленный,—порядокъ жизни. Мы утромъ пили чай всѣ вѣстѣ, затѣмъ каждому предоставлялось дѣлать все, что онъ пожелаетъ. Сидимъ, бывало, съ А. П. на крыльцѣ, на самомъ солнечномъ припекѣ и мѣли отъ жары, даже говорить лѣнь. Потомъ отправляемся на р. Пселъ купаться, захвативши по полотенцу; А. П. любилъ купаться и былъ недурнымъ пловцомъ, почему и поспѣвалъ надо мной, плохо плавающимъ и по рѣшавшимся сразу бросаться въ рѣку.

— Да вы чего бонтесь! Смѣйтесь!—поощрялъ онъ меня.—Станете тонуть—я тутъ, спасу!

И, ставши на песчаное дно рѣки, онъ подставлялъ солнечнымъ лучамъ свои могучія, широкія плечи и спину.

Глядя на его приземистую, плотную фигу-

ру, можно-ли было предположить, что въ этой, хотя и нѣсколько плоской, но широкой груди таится зачатокъ тяжелой болѣзни!

Послѣ купанья мы обѣдали и ѣли до-отвала, ѣли такъ, что тяжело становилось дышать. Добрая Евгенія Яковлевна кормила насъ, какъ на убой, и все жаловалась, что Антоша, —ея любимецъ,—мало ѣсть. Такого человѣка, какъ Евгенія Яковлевна, я не встрѣчалъ, да, навѣрно, и не встрѣчу больше въ жизни. Ея материнскія доброта и простота такъ располагали къ себѣ всякаго, что я, напримѣръ, не могъ смотрѣть на нее безъ умиленія.

Отобѣдавши, мы отдыхали нѣкоторое время, потомъ отправлялись или на прогулку, или катались по Пселу на большой лодкѣ, вродѣ тѣхъ, которыя бывають при баркахъ съ дровами и кирпичами.

Съ борта этой же лодки мы съ А. П. ловили громадныхъ раковъ, причемъ я съ гордостью могу похвастаться, что научилъ А. П. ловить раковъ сѣтью, привязавъ на дно мясо. Раньше, до меня, А. П. ловилъ раковъ, привязывая мясо на веревочку къ жердочкѣ и опускавъ въ рѣку. И нужно было видѣть его огорченное лицо, когда раки, захватившіе клешнями мясо, при приближеніи къ поверхности рѣки покидали добычу и ныряли въ глубину!

Съ сѣтью дѣло у насъ пошло скорѣе, и мы могли доставлять раковъ даже „къ столу“...

Помнится, что въ теченіе недѣльнаго пребыванія моего у А. П., онъ всего одинъ или два раза дѣлалъ безплодныя попытки писать, чуть-ли не тутъ же, у всѣхъ на глазахъ. Такъ называемая „комната А. П.“ всегда была занята людьми, всегда въ ней кто-нибудь да находился. Съ перваго же дня моего пріѣзда, въ этой комнатѣ, на письменномъ столѣ, я увидѣлъ нѣсколько четвертушекъ бумаги, и на одной изъ нихъ что-то набросанное характернымъ почеркомъ А. П. Въ день моего отъѣзда четвертушки бумаги лежали на прежнемъ мѣстѣ и издали, на-глазъ, можно было видѣть, что къ начатому не прибавлено ничего. Всѣ, кто ни бывали въ этой комнатѣ, —а бывали въ ней многіе, разъ я увидѣлъ какого-то сельскаго учителя съ гитарой, по справкѣ у А. П. оказавшагося ему почти незнакомымъ,—всѣ бывшіе здѣсь могли свободно читать, что началъ писать А. П. —Чеховъ не скрывалъ своихъ произведеній.

Создавалъ онъ ихъ втихомолку, заносилъ въ записную книжку образы и мысли, заносилъ, гдѣ придется: дома, за обѣдомъ, ночью, на ступенькахъ крыльца (онъ особенно любилъ сидѣть за полночь на ступенькахъ крыльца) на лодкѣ, въ полѣ, гуляя, —и эту свою записную книжку, должно быть, берегъ и пряталъ, потому что я никогда нигдѣ ее не видѣлъ, —но разъ образы нашли свое мѣсто, а мысли надлежащее выраженіе, —А. П. не считалъ нужнымъ таиться и бросалъ свою рукопись открытой на столѣ.

Теплыя, южныя ночи, такія темныя, что въ двухъ шагахъ ничего не видно, и съ такимъ ярко-серебрянымъ сіяньемъ луны, что въ песокъ можно было бы найти иголку, видимо, вдохновляли А. П. Въ компаніи съ молодыми Линтваревыми онъ подолгу просиживалъ или у нихъ на балконѣ, или у себя на крыльцѣ, тихо бесѣдуя, вставляя въ чужія рѣчи свои характерныя, остроумныя замѣчанія.

Бывало уйдешь спать. Не спишь, лежишь съ открытыми глазами, прислушиваешься къ потрескиванью цикады въ паркѣ, и, сквозь ихъ трескотню, тихую и страстную, —нѣтъ, нѣтъ да услышишь гортанный басокъ А. П., бесѣдующаго съ компаніей молодежи.

Эти ночи навсегда останутся въ моей памяти, —такой свѣжестью, молодостью, поэзіей вѣяло отъ нихъ, такъ скрашивалъ наши бесѣды безобидный, добродушный юморъ Ан. Павловича, одинаково слегка трунвившаго и надъ окружающими и надъ самимъ собою.

И смѣхъ и юморъ А. П. были какіе-то поэтическіе, согласовавшіеся съ окружающей насъ поэтической обстановкой помѣщичьей усадьбы и ближайшихъ хохлацкихъ деревень.

Дня черезъ три или пять, хорошо не помню, я собрался уѣзжать изъ усадьбы, съ цѣлью продолжать свое путешествіе до Чернигова. Наканунѣ отъѣзда, —нужно было ѣхать на поѣздѣ, отходившемъ въ 4 или 5 часовъ утра, —

мы не спали всю ночь—я, лежа на какой-то походной, съ углубленіемъ по самой ея серединѣ, кровати, Антонъ Павловичъ тутъ же, на коврахъ, брошенныхъ прямо на полъ. Семнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и трудно не только въ точности, но даже приблизительно вспомнить, о чемъ мы тогда и бесѣдовали, и спорили съ Чеховымъ. Помнится, какъ сквозь сонъ, что было что-то молодое, сильное въ этихъ бесѣдахъ, что [сквозь] пессимистическій тонъ рѣчей Чехова звучала свѣжесть молодого, только что распускавшагося таланта, увѣренность въ себѣ, въ своихъ силахъ.

И поэтому скорѣе забавнымъ парадоксомъ показалась мнѣ фраза Чехова, произнесенная его обычнымъ полусутильнымъ тономъ и сопровождавшаяся обычнымъ Чеховскимъ смѣшкомъ, —фраза, относившаяся къ появившимся тогда декадентамъ и ихъ произведеніямъ.

— Декаденты! А что вы думаете? Вотъ увидите, они завоюютъ у насъ полныя права гражданства. Сперва ихъ будутъ бранить и мало читать, потомъ перестанутъ бранить, начнутъ читать и морщиться, а затѣмъ уже станутъ читать, хвалить и даже восторгаться. А мы къ тому времени на смарку, и даже гопораръ намъ понизятъ!—заклучилъ Антонъ Павловичъ, смѣясь...

Свѣтало. Нужно было вставать, собираться и ѣхать. Антонъ Павловичъ и оба его брата, милые, скромные и доброжелательные юпоши, Иванъ и Михаилъ, поѣхали со мною на вокзалъ. Чтобы придать проводамъ настоящій характеръ проводовъ, А. П. потребовалъ бутылку краснаго вина. Заспанный лакей подаль невозможную кислотину, но мы самымъ мужественнымъ образомъ чокнулись нашими стаканами, опорожнили ихъ и... распрощались.

По волѣ судьбы, это было послѣднее мое прощаніе съ Антономъ Павловичемъ.

Молодость писателя кончилась, какъ кончилась его молодость, часто забавная до милаго шаржа, еще чаще высоко-поэтическія, нѣжной грустью охватывавшія душу читателя, произведенія.

Начались „хмурые“, болыные дни писателя, безкопечная галерея хмурыхъ, безвольныхъ, ничтожныхъ лицъ, живописуемыхъ имъ, началась та обычная мука, которая со времени Гоголя стала проклятіемъ всякаго выдающагося русскаго писателя...

Каз. Баранцевичъ.

Комментарий

...Николай, художник, вскоре умерший... – Николай Павлович Чехов умер 17 (29) июня 1889 г. – следующим после описываемого здесь Баранцевичем летом, — там же, в имении Линтваревых, где и был похоронен.